

Маркус, пятый герцог Отенберри, проснулся и вздрогнул, обнаружив, что лежит лицом в лошадином навозе.

По крайней мере, он решил, что эту вонючую субстанцию произвели именно лошади. Где-то рядом он услышал их тихое ржание. К тому же за свою жизнь он много времени провел в конюшне и хорошо знал запах лошадиного навоза.

Когда он попытался встать, его голову пронзила острая боль.

— *Черт подери!*

Что же с ним случилось?

Отерев лицо обшлагом рукава, он сел и огляделся. Маркус понял, что за ним наблюдают сквозь щели в стене конюшни.

Он пришел к выводу, что это дети, поскольку они были невысокого роста и разговаривали тонкими голосами. Конечно, его чувствительный слух мог его подвести.

— Когда он проснется, как думаешь?

— Ох, он в этих какахах уже пару часиков валяется!

— До завтра точно не очухается. Когда мой папашка пьет, то потом дрыхнет дня два или три.

— Он здоровый, да?

— Доброе утро, — протянул Маркус, пытаясь не вдыхать глубоко окружавший его смрад.

Дети удивленно заморгали.

— Ох, он так смешно говорит! — воскликнул какой-то малыш.

— Я полагаю, вы не сможете объяснить мне, где я нахожусь? — спросил он, осмотрев свою одежду

и поморщившись. Когда-то идеальный камзол был перепачкан навозом.

Его вопрос вызвал громкое хихиканье детворы.

— Ты не знаешь, где находишься? — довольно грубо спросил один малыш. — Что ж ты за олух такой?

— Еще тот олух, — проворчал Маркус, с трудом поднявшись на ноги и стараясь не обращать внимания на режущую боль в голове.

Дети снова захихикали.

Маркус сделал несколько шагов к воротам. Дети, стоявшие по другую их сторону, завизжали и бросились врассыпную. Топот их ног отдавался новыми волнами боли в голове герцога. Он попытался открыть ворота, но они были заперты снаружи на засов.

— Ну разумеется, — пробормотал он, тяжело привалившись плечом к стене конюшни.

Он порылся во внутреннем кармане в поисках платка. Убрав с лица солому и остатки навоза, Маркус задумался, как он мог так низко пасть. Как он мог до такого докатиться?

Насколько он помнил, еще никогда он не проводил ночь так постыдно. Ему доводилось просыпаться в разных местах, но под ним всегда оказывались кровать или кушетка. Однажды в школе он занимался до поздней ночи и заснул, положив голову на парту.

Это был позор.

За воротами слышались медленные тяжелые шаги. Это уже был не ребенок. Зазвенели ключи, что-то царапнуло по дереву, и ворота распахнулись.

В конюшню заглянул плотный крестьянин с широким плоским лицом и маленькими глазами-бусинками.

— Уже очухались, — резюмировал парень.

— Так и есть, — мягким тоном ответил Маркус, почесав заросший щетиной подбородок и посмотрев на свои сапоги.

Эта обувь уже не сверкала, как прежде. Его камердинер, оставшийся в Лондоне, пришел бы в ужас при виде подобного кощунства, однако столь невзрачный вид сапог герцога в конюшне казался вполне уместным. Да и чувствовал он себя им под стать — потрепанным и пыльным.

— Я покумекал, что ночь в конюшне поможет вам немного уgomониться.

Ага. Так его, значит, заперли намеренно. Однако он не мог вспомнить, за что его так наказали.

Маркус оглядел конюшню, которая стала его темницей. Он помнил, что остановился на постоялом дворе в одной отдаленной деревушке. Но было ли это вчера?

Он не помнил названия деревушки. Все в голове перемешалось. По дороге на север он миновал множество подобных мест.

Маркус поднял голову и посмотрел на своего тюремщика.

— Могу я узнать, в чем заключается мое преступление?

— Запомнили-таки? — Мужчина провел ладонью по своему красному носу, похожему на картошку. — Вы едва не разрушили кабак Элвина, когда Джон Смити попытался оттащить вас от Ровены, которую вы лапали.

— Ровены? — Это имя показалось ему знакомым. Он помотал головой, словно это могло помочь ему вспомнить подробности. — Это такая черноволосая девушка?

— Так точно, — кивнул мужчина.

Имя ей явно подходило. Этой служанке равных не было. Когда Ровена принесла ему обед, она тут же уселась на лавку рядом с ним, засунула свои жадные руки в его брюки и схватила его за член.

Сидевший неподалеку парень начал возмущаться. Наверное, это и был Джон Смити.

Что случилось дальше, Маркус помнил плохо.

— Насколько я помню, это Ровена лапала меня.

Тучный мужчина усмехнулся.

— Как вам будет угодно. Бейлиф прислал меня, чтобы я вас выпустил. За причиненный ущерб он уже вычел нужную сумму из вашего кармана. Вам повезло, что у вас было достаточно денег, а то пришлось бы гнуть здесь спину, пока все не отработали бы.

Сказав это, слуга бейлифа швырнул Маркусу его бумажник. Герцог подхватил его, не дав упасть в грязь.

— Я должен передать вам, чтобы вы садились на лошадь и проваливали отсюда. Сегодня базарный день, и мы не хотим, чтобы ребята вроде вас шатались здесь. Нам больше не нужны проблемы.

— Ребята вроде меня?

Это могло показаться забавным, если бы не звучало столь оскорбительно. Он же герцог, а они обращаются с ним как с каким-то бродягой. Конечно, они не знали, кто он такой, да и одет он был наверняка не в лучший и не в самый чистый свой костюм. Так как он путешествовал один, ему не хотелось выставлять напоказ свое богатство. Однако они должны были понять, что он аристократ. Это его сильно задело.

— Можете не переживать. Я с радостью уеду из вашего медвежьего угла. — Расправив плечи, он одернул камзол. — Передайте бейлифу мою благодарность за теплый прием.

Мужик почесал блестящую плешь, словно слова Маркуса озадачили его.

Герцог решил не проверять содержимое кошелька, хотя тот, похоже, стал намного легче. Он заранее спрятал деньги в каблуке сапога и подкладке плаща, поскольку не был настолько глуп, чтобы ехать на север, не опасаясь разбойников с большой дороги.

Маркус вышел из конюшни и направился к своей лошади. Его мерин выглядел хорошо. Он явно тоже хотел побыстрее убраться отсюда.

Мальчик передал ему поводья. Маркус коротко кивнул ему и забрался в седло.

Не оглядываясь на конюшню, в которой он провел ночь, герцог прищпорил коня и направил его на оживленную улицу, решив на обратном пути объехать эту деревню стороной. Для него это место было проклято, и он собирался держаться от него подальше.

Элис обошла тесный чердак, поглядывая на узкую кровать, стоящую у стены возле единственного слухового окна. Она спала в этой кровати целых семь лет, наблюдая из окна за ночным небом, считая звезды и рассматривая луну, с нетерпением ожидая того дня, когда ее жизнь будет принадлежать ей одной.

И вот этот день настал. Сегодня она будет спать в другом месте.

Как обычно, она заправила постель. Серое шерстяное одеяло плотно облегало матрас, а подушка занимала то место, где семь лет лежала ее голова. Подушка здорово истрепалась, посередине появилась постоянная вмятина.

Возможно, в том месте, куда она направлялась, у нее будет атласная подушка, набитая гусиным пухом. Это не имело значения. Она была готова спать под простым одеялом на досках, только бы убраться отсюда подальше.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Мистер Бирд ждал ее в повозке, кутаясь в плащ. Его крепкие, загрубевшие от работы руки нервно сжимали поводья. Он тоже хотел побыстрее отправиться в путь. Она была уверена, что это из-за вдовы Макферсон. Мистер Бирд и вдова сблизилась после того, как умер мистер Макферсон. Стать еще ближе им мешала Элис.

Обернувшись, Элис бросила последний взгляд на маленькую комнатку с косым потолком. Она жила здесь с детьми мистера Бирда очень долго, а приехала сюда в пятнадцатилетнем возрасте. Она была убита горем после смерти отца. У мистера Бирда имелось шесть здоровых веселых детей, которые постоянно требовали ее внимания и заботы. И она заботилась о них, пока мистер Бирд работал на своей ферме.

Сейчас здесь осталось всего трое детей, да и детьми их уже нельзя было назвать. Мальчики трудились на ферме вместе с отцом. Они могли позаботиться о себе и сами. Остальные женились, вышли замуж и покинули этот дом.

Она выполнила свою работу, и больше в ее услугах здесь не нуждались. Теперь у нее были свои цели.

Элис выдохнула, почувствовав большое облегчение впервые за много лет. Ну, вот и все. Она почти свободна. Ей осталось сделать лишь одно.

Она подняла свой маленький чемоданчик, в который сложила все свои пожитки. Перламутровая щетка для волос, расческа и зеркало, которые когда-то принадлежали ее матери. Карманные часы умершего отца. Свадебные ленты родителей. Несколько тесемок для волос. И семейная Библия, в которой была записана история ее семьи. Это все, что осталось от семьи Белл, единственное свидетельство того, что та существовала. Да, еще была Элис.

Развернувшись, она вышла из комнаты и спустилась по узкой кривой лестнице.

Нелли ждала ее внизу, качая на руках младенца. Она снова задала Элис вопрос, которым мучила ее всю неделю:

— Ты в этом уверена?

— Да, — ответила она. — Мы изначально так договорились с твоим отцом.

Нелли нахмурилась.

— Это не значит, что ты поступаешь правильно.

Решившись на этот шаг, каким бы ужасным он ни казался, Элис понимала, что нет другого способа наладить свою жизнь.

Она долго ждала этого момента. Когда ей было очень тяжело — а ухаживать за шестью шумными детьми целый день напролет весьма тяжело, — она терпела. Она заставляла себя улыбаться. Она старалась. Потому что знала: этот день придет. Она завоюет свободу.

Элис положила ладонь на руку Нелли и сжала ее. Маленькая дочь Нелли наклонилась и провела ладошкой по волосам Элис, слегка испортив ее с трудом созданную прическу.

Когда Элис только появилась в доме Бирда, Нелли презирала ее и не хотела, чтобы она жила с ними. Покойная миссис Бирд умерла за несколько месяцев до того, и Нелли меньше всего желала, чтобы ее место заняла чужая женщина. Очень скоро она начала всячески вредить Элис: подкладывала ей в обувь лягушек, ерошила ее волосы, пока Элис спала, и даже испортила ее лучшее платье. Элис спрятала свои ценные вещи, испугавшись, что Нелли уничтожит их.

Но было приятно вспоминать, как со временем все изменилось. Теперь Нелли стала для нее младшей сестрой, несмотря на то что вышла замуж и жила на другом конце деревни со своей новой семьей.

— Там будет Ярдли, — уверенно произнесла Элис.

Нелли фыркнула и потеряла свой большой живот.

— Ярдли. — Она закатила глаза. — Что ты вообще знаешь о нем, Элис?

— В детстве мы были очень хорошими друзьями.

Они выросли вместе и были неразлучны, постоянно гуляли по Колли-Бен и окрестностям. Отец еще был здоров, когда Ярдли попал во флот. Тогда же, в детстве, они успели обменяться обещаниями: он вернется за ней, а она будет его ждать.

Они писали друг другу письма. Он рассказывал ей о своих путешествиях. Она — о том, что папа решил выдать ее за мистера Бирда. Это его не смутило. Он все равно обещал вернуться за ней, и так он и поступил.

Они будут жить вместе, переедут в Лондон. Он пойдет работать помощником к кузену отца, торгующему птицей в Севен-Дайлс. Она станет швеей или даже служанкой. Они будут жить вместе, совершенно свободные — вот что важнее всего.

Они мечтали об этом дне, и вот он наконец настал. Мистер Бирд дал свое согласие.

— Да. — Нелли ее ответ не убедил. — Это случилось давным-давно. Он тогда был мальчишкой. А потом слишком долго пробыл в море. Люди меняются.

— Мы с ним договорились, — возразила Элис.

— Он был дома всего несколько недель. Ты не знаешь, что он за человек сейчас, и ты хочешь связать свою судьбу с ним. — Она покачала головой. — Я бы на твоём месте этого не делала.

Элис не хотела напоминать, что у нее почти нет выбора. Ярдли был ее лучшим вариантом. Единственным, на который она могла рассчитывать.

Ведь выбор очень важен. До сих пор у нее не было возможности выбирать. Ярдли означал для нее свободу. Она возьмет жизнь в свои руки. Теперь у нее появится право принимать решения. Ее судьба больше не будет игрушкой в чужих руках.

Ярдли заберет ее отсюда. Она наконец увидит мир и будет жить за пределами этой деревни.

— Не волнуйся за меня. Все будет хорошо, Нелли. Вот увидишь. Нелли еще сильнее нахмурилась.

— Надеюсь, ты права. Ты заслуживаешь лучшего.

Элис обняла девушку, точнее женщину, потрогала ее живот. Женщина, которая держала ее за руку, собиралась стать матерью во второй раз.

Элис уже давно пора было жить своей жизнью. К счастью, мистер Бирд согласился и не будет мешать ей.

Нелли, словно бы прочитав ее мысли, шепнула ей на ухо:

— Смотри, чтобы ты не попала из одной тюрьмы в другую...

Элис отстранилась.

— Ты придешь на рынок проводить меня?

Нелли отрицательно покачала головой:

— Нет. Я не смогу смотреть на это. — Она шмыгнула носом и быстро заморгала, сдерживая слезы. — Но если ты настаиваешь, я приду...

— Не надо. Иди домой.

— Ты будешь писать? — спросила Нелли с ноткой отчаяния в голосе. — Я умру, если не узнаю, что происходит...

— Буду. Я буду рассказывать тебе обо всех своих приключениях.

Нелли неуверенно улыбнулась и кивнула:

— Я надеюсь на это. Теперь ступай.

Элис кивнула в ответ:

— Да. Не хочу, чтобы Ярдли ждал.

Открыв дверь, она вышла наружу и подняла голову, подставляя лицо холодному солнечному свету. Ярдли ждал слишком долго.

Они оба ждали слишком долго.